

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адам Базарский

Союз обреченных

<https://litres.ru/73938548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул не с грохотом — он развалился на части под тяжестью собственной гнили.

Бык — начальник отдела по борьбе с организованной преступностью. Его тело вырезано из бетона и ненависти, а голос принадлежит человеку, который перестал извиняться за свое существование. Он давит, ломает, вербует и плетет теневые схемы, где жертва и палач давно поменялись местами. Он — хищник в полицейской форме.

Но приходит вирус. «Нексус» не убивает — он перекраивает человечество. Люди перестают быть людьми. Правила сгорают вместе с городом.

Бегство через выжженную степь. Охота в портовых руинах. Битва с ордами мутантов, где каждая пуля на счету, а каждая потеря вырывает кусок души.

Союз обречённых — жестокий, вязкий, как запекающаяся кровь, роман о том, как человек становится зверем, зверь — монстром, а монстр... монстр иногда оказывается единственным, кто способен на прощение.

Они не герои. Они — те, кому некуда отступать.

Своих не бросаем. Даже если своих уже не осталось.

Содержание

Глава 1. Бык	5
Глава 2. Питбуль	14
Глава 3. О.П.Г.	25
Глава 4. Комсомольск	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Адам Базарский

Союз обреченных

Глава 1. Бык

Бекужиев Марат, по кличке Бык, выглядел так, будто его отлили из бетона и арматуры, взяв вместо чертежа список обид. Рост — под метр девяносто, масса — далеко за центнер, плечи — как ворота старого ангара. Он был воплощением самой тупой ярости и наглости, его тело мощь бульдозера, а голос — странный, почти мальчишеский тенор.

— Марат, ты жутки тип, на тебя смотреть страшно, я бы не хотел твоим делом стать, — смеялись опера. — а голос — как на пацана малолетнего.

Бык не злился в ответ. Улыбка у него получалась злоедающая, лишённая веселья. Постепенно шутки сошли на нет. Когда «тихий колокольчик» начинал говорить в кабинете допроса, люди переставали перебивать. Возникла тишина — густая, как патока. Каждое его слово падало тяжело: он лишь сверял то, что уже знал, задавая вопросы.

С детства он мечтал о форме. С пафосом и киношной романтикой. Упрямо, почти по-детски видел в ней свою правду: мир, где есть порядок, четкие правила и нарушители. Ломающих правила должны ловить такие, как он.

Рос в районе, где асфальт вечно проигрывал ямам, а подъезды знали больше мрачных историй, чем все учебники. Среди обшарпанных стен и криков из-за бетонных перегородок сложилась эта странная смесь: тело бойца и голос человека, который будто заранее извиняется за свое существование. В школе его дразнили недолго. Потом он перестал отступать, и местная шпана быстро смекнула: биться с тем, кто и думает, и бьет одинаково больно, — идея так себе.

В полицию он попал без романтики и блата. Траектория оказалась упрямой, как он сам: армия, провал на вступительных, завод, снова попытка. Каждый поворот сопровождался мыслью: «Ладно, попробую еще раз». Это «еще раз» и привело его в отдел по борьбе с организованной преступностью — туда, где мягких не держали, а хитрые взлетали быстрее пули.

Коллеги недоумевали: как этот громила с детским голосом собирается работать с криминалом? Но быстро выяснилось: он с криминалом дел не вел. Он в него играл. И играл

изумительно.

На заданиях Бык двигался спокойно, размеренно, словно переставлял тяжелую мебель. И странное дело: даже самые отороженные задержанные начинали говорить с ним иначе. Он почти никогда не повышал голос. Напротив — говорил тихо, почти вежливо, и от этого становилось еще жутче.

— Ты мне сейчас, дружок, все расскажешь. — Он чуть наклонял голову. — Я тебя ломать не стану. Просто сам поймешь: молчать глупо. Я уже знаю. Просто сверяю.

Задержанный смотрел в светлые, почти прозрачные глаза на каменном лице — и начинал говорить.

Глубоко внутри Быка жил тот самый мальчишка, который когда-то думал: «Вот так должно быть — чтобы порядок существовал неизбежным, а не громким». Но чем дальше он шел по службе, тем яснее понимал: настоящий хаос редко кричит. Он улыбается, пожимает плечами и делает вид, что так и надо.

В отделе про него заговорили как про старый лифт: вроде ездит, но иногда так дергается, что лучше пройтись пешком. Проявилась другая сторона службы — та, где человек путает силу с правом, а работу с личной злостью. Он действовал

быстро и жестко, опуская предисловия. Поначалу списывали на эффективность: результат есть — и ладно. Но у таких историй вторая половина приходит позже и без стука.

В коридорах зашептались:

— Слышал, что Бык вчера с тем утырком что сделал. Плотно он его встряхнул, теперь он на койке месяц туловище будет лечить.

Потом пошли жалобы — сначала устные, потом на бумаге. Папки, которые никто не любил открывать, но исправно подшивали в сейфы. Коллеги, раньше подшучивавшие, теперь лишний раз старались не попадаться ему на глаза. У Быка включался режим, в котором задержанный переставал быть человеком. Он оказался совершенно лишен жалости и сострадания.

Сперва прикидывался своим в доску: наливал чай, предлагал сигарету, спрашивал про семью.

— Да ладно, братан. Все мы люди. Ты мне ничего не должен, просто работа такая.

Задержанный на секунду расслаблялся. Затем следовал резкий, страшный удар кулаком в живот. Жертва скрючива-

лась, ловила ртом воздух, впадая в шок. А Бык уже пинал ее ногами — с механической, почти спокойной жестокостью. Особенно он любил выкручивать руки: медленно, наслаждаясь моментом.

— Вот теперь, падаль, ты мне все скажешь. — Голос звенел, срываясь на визг. — Времени на возню нет. Думаешь, мне приятно видеть твою страдальческую рожу? В отказ пойдешь — изуродую покалечу, и мне за это ничего не будет. Ты наверное непонял куда попал, таких как ты я пачками ломал, а так быстрее, ускорение правды, понял?

Когда задержанный начинал признаваться, Бык в конце допроса добавлял:

— Запомни: мы тебя кошмарим только потому, что поймали. Ты сам выбрал этот путь. Не обесудь ничего личного.

Внутри себя он не считал это жестокостью. Для него это было «ускорением правды» — будто можно руками подтолкнуть реальность. Только реальность не любит, когда ее так грубо толкают. И некоторые начали писать жалобы.

Чем дальше это тянулось, тем больше вокруг сгущалась тишина. Особая — какая бывает в учреждениях перед проверками или перед тем, как кто-то наверху решает: проще

обратить источник шума, чем чинить весь механизм.

Бык еще не понимал: самый опасный противник — не преступники на улице, а бумажный след внутри системы. Холодный, аккуратный, лишенный эмоций. Привычка давить силой заканчивается одинаково: сначала тебя перестают обсуждать, потом перестают защищать, а потом делают вид, что тебя никогда и не было.

В кабинет для допросов Бык заходил как на личную территорию. Садился тяжело — стул под ним скрипел, как старый корабельный трап. Приталенный пиджак едва сдерживал напор мышц, брови сведены к переносице домиком, придавая ему вид клинического психопата. Первое, что он делал, — растягивал паузу. Задержанного ставили в угол, в обход инструкции. Стоишь, смотришь в стену, слышишь только щелчки клавиатуры и редкое, тяжелое дыхание человека за столом. Минуты текли, как расплавленный гудрон. Мочевой пузырь наполнялся, хотелось хоть как-то прервать эту пытку неизвестностью. Бык на это и рассчитывал: унижение и физический дискомфорт ломают быстрее любой угрозы.

Он мог сидеть долго, почти лениво. Потом резко включался: открывал базу, листал экран с сухим, ничего не выражающим лицом. В этой контрастной тишине начинался главный прессинг. Его голос — тонкий, почти вежливый — звучал

особенно неприятно. Вопросы короткие, лишённые эмоций, но с таким ощущением, что правильный ответ ему уже известен.

— Значит, хочешь сказать, что в том гараже с жмуром оказался случайно?

— Да, начальник, клянусь, мимо проходил!

— Мимо... — Бык растягивал слово, как жвачку. — А ствол в руке тоже случайно держал? Придурок, ты везде отпечатки оставил. Хоть бы перчатки надел. Зону двадцать лет топтать поедешь.

Если человек начинал путаться или закрываться, тон менялся: негромкий, обрывистый, холодный и сухой, как металл после перегрева. Разговор переставал быть разговором. Бык обходил стол, заходил со спины. Резкий удар коленом по бедру — по болевой точке.

— Ааааа бляя братаааан!..

— Спокойно. — Шепот в самое ухо. — Это я еще не начинал. Я спросил: ствол откуда у тебя, у кого взял?

Если продолжал гнуть свое — в ход шли кулаки. Удары по корпусу, по почкам, в пах. Методично, с погружением ку-

лаков в плоть. Через пару часов такого «разговора» человек признавался в чем угодно. Даже в убийстве Кеннеди. И даже тогда как подозреваемый терял контроль и обдeldывался в штаны, Бык заставлял его мыть пол в кабинете, поливая отборным матом.

— Мой, сучка! Чтоб блестело! Тут нагадил — ты и убирай!

Коллеги, заглядывавшие на такие сцены, выходили молча. Никто не спорил вслух, но и восхищения не было. Только понимание: граница между «жесткой работой» и «перегибом» у Быка держится на нитке, которая вот-вот лопнет.

Но за скорость, за результат, за закрытие дел Быка начали продвигать. Сначала дали больше самостоятельности. Потом — более сложные эпизоды. Потом стали закрывать глаза на то, что у других вызвало бы вопросы на первой же планерке. В отчетах у него все сходилось. Раскрываемость росла, цифры выглядели приятно для начальства. А там, где цифры красивые, не любят копаться в деталях.

Высшее руководство видело в нем редкий, грубый, но очень эффективный инструмент. Делает работу быстро и тихо. Иногда оставляет царапины на мебели — ну что ж, мебель казенная, потерпит. Так его «жесткий стиль» стал

обрастать не наказанием, а прикрытием. Неофициальным, негласным — о котором молчат в документах, но все понимают с полуслова. Он стал полезен. А полезных не трогают.

Через два года он уже сидел в кресле начальника отдела по борьбе с организованной преступностью. Кабинет стал больше, стекла темнее, кресла удобнее — а стол длинее.

И тут началось самое интересное. Когда человек с привычкой давить оказывается наверху, давление идет уже не на задержанного в углу, а на всю систему целиком. Отдел, который раньше просто выполнял задачи, постепенно зажил по ритму Быка — быстрому, резкому, беспощадному. Только у таких ритмов есть особенность: они хорошо звучат в моменте, но плохо переживают длинную дистанцию.

Глава 2. Питбуль

Бык сидел в кабинете, уставившись в монитор так, будто тот лично его подставил. В горле пустыня, язык — сухая тряпка. В голове шум, словно старый трансформатор под дождем. Настроение ниже плинтуса, и еще этот давящий гул с улицы не давал покоя.

Он с силой оттолкнул кружку с остывшим кофе. Та глухо звякнула о столешницу.

— Да чтоб вас... — пробурчал он своим тонким, почти насмешливым голосом, который на фоне его туши звучал особенно криво.

Воспоминание врезалось резко и неожиданно.

Утро. Обычное, серое. Он выруливает со двора, ворота лениво расплзаются. Двигатель китайского кроссовера урчит ровно. Никакой драмы. Жена, Айгуль, опаздывает на работу, быстро выходит из дома к машине.

И тут — на тебе. Из соседнего двора выстреливает комок злобы и мышц — соседский питбуль. Вылетает, как сна-

ряд, лишенный предохранителя. Лай режет утренний воздух, словно стекло по металлу.

— Твою мать... — только и успевает выдохнуть Бык.

Дальше — чистый инстинкт. Он выскакивает из машины, дверь хлопает. Сердце колотится где-то в горле, адреналин затапливает сознание. Рука сама идет вниз, пальцы находят рифленую рукоять, выдергивают «Глок» из кобуры одним движением — чисто, четко, как на сотнях тренировок.

Собака уже в паре метров от жены. Секунда. Меньше.

Первый выстрел — мимо. Пуля выбивает крошку из асфальта. Второй — снова мимо. Пес виляет, как бешеный. Третий — опять в пустоту.

— Стоять, сукааа! — срывается у него. Голос тонкий, почти визгливый — от этого звучит еще злее.

Четвертый выстрел. Попадание. Мир обрывается. Собака перекачивается сальто и валится на бок, яростный лай переходит в жалобное скуление. Пуля разорвала внутренности, из выходного отверстия хлещет яркая кровь.

Кислый запах пороха ударил в нос. Бык стоит в ступоре,

оглушенный собственными выстрелами. Одна мысль: «Попал...» Грудь ходуном, пистолет все еще в руке, но палец уже убран со спускового крючка. Накатила волна паники — тягучая и горячая.

Жена визжит. Ее крик срывается в истерику, как из дешевого фильма ужасов. Она медленно оседает на асфальт, закрывая лицо руками.

Только тогда Бык чуть приходит в себя. Адреналин отступает рывками, оставляя после себя злость. Грязную, вязкую. Не на собаку — на все сразу. На соседа, который не уследил за псом. На себя — за три позорных промаха. На этот чертов мир, где все может поехать боком за одну проклятую секунду.

Он смачно сплевывает, убирает оружие в кобуру резким движением и пытается изобразить безучастный вид. И вот теперь, в кабинете, эта сцена крутится снова и снова, как навязчивая песня.

Четыре выстрела. Три — в никуда.

— Красавчик, — цедит он себе под нос, криво усмехаясь.
— Бестолочь. Позор.

Сушняк в горле только усиливается.

Сосед у Быка был из тех, кто входит в комнату раньше, чем открывает дверь. Лет под пятьдесят, лицо налитое, красноватое, будто постоянно слегка обижен на весь мир. Губы в привычной брезгливой складке «мне все должны». Живот — как отдельный персонаж, всегда впереди. Голос громкий, резкий, с хрипотцой человека, который привык не объяснять, а давить. Бык про себя дал ему кличку Горлопан.

Горлопан занимал жирную должность в местной конторе, крутился при мэрии. Ни для кого не секрет, что честно разбогатеть на его месте было бы сложновато. Бык с ним иногда пересекался у ворот, кивал сухо, без улыбки. Тот отвечал с напускной важностью, будто делал одолжение, что вообще заметил соседа-мента.

Двор у Горлопана всегда жил шумно. Два его сына катались на раздутых джипах с тонированными стеклами. Музыка орала так, что стекла в окрестных домах дрожали. Те же наглые лица, те же хамские повадки. Бык их не переваривал. Терпел — да. Но внутри держал эту ненависть, как тяжелый камень в кармане.

И вот сейчас Горлопан вылетает из своего черного «Крузака». Лицо перекошено, глаза налиты кровью, шаг быстрый,

тяжелый.

— Ты что творишь, а?! — орет он на ходу. — Совсем одурел, стрелять начал?!

Подлетает ближе. Запах дорогого табака и утреннего перегара бьет в нос.

— Я бы сам пса отогнал! Ты че, герой, бля, нашелся?!

Голос давит, лезет в уши, как дрель в бетон. Он говорит громко, демонстративно, будто перед невидимой толпой.

А Бык стоит напротив и молчит. Глаза холодные, лицо каменное. Пистолет уже в кобуре, но внутри еще сидит тот короткий, острый момент. В этой тишине между его молчанием и чужим ором становится понятно: столкнулись два мира. Один — который орет и уверен, что все можно решить деньгами и связями. И второй — который молча стреляет, когда считает, что говорить уже поздно.

Перед ним стоял не просто крикливый мужик с пузом и «Крузаком». Перед ним стоял родной брат мэра города. А это совсем другая физика, где даже воздух гнется иначе.

Бык медленно выдохнул, стараясь задавить остатки адре-

налина. Сжал челюсть так, что скулы побелели. Впервые за долгое время в его голосе не было ни давления, ни холода — только неровность и унижение.

— Прости, братан... — сказал он, чуть запинаясь, будто слова были чужими. — Непонятка вышла. Я на адреналине был. Все на автомате. Не успел подумать. Прости.

Слова звучали криво, чужеродно. Как если бы скала пыталась извиняться шепотом.

Но Горлопан не сбавил. Шагнул ближе, ткнул пальцем в грудь Быка.

— Балбес! Ты вообще считаешь?! А если бы в кого-нибудь попал?! Тут же люди, дети!

Он размахивался словами, как кувалдой.

— Я тебя на зоне сгною! Ты кто вообще такой?! Давай, вызывай своих ментов! Разбираться будем!

Бык стоял молча. Внутри поднималась привычная волна — та, что обычно заканчивалась быстро и жестко. Но сейчас он ее душил. Любой лишний шаг — и он подставит весь отдел. Себя. Все, что у него есть.

И это злило сильнее, чем крики напротив. Сильнее, чем утренний выстрел. Сильнее, чем три позорных промаха.

В итоге все схлопнулось так же быстро, как и вспыхнуло. Бык отошел в сторону, достал телефон, коротко бросил пару фраз начальству. Цепочка пошла вверх: звонок, еще звонок — и где-то на уровне высоких кабинетов вопрос решился в его пользу.

Через несколько минут Горлопан уже не орал, только злобно сопел, бросая последние слова в пустоту. Разошлись. Будто ничего и не было.

Бык молча сел за руль, завел двигатель. Руки еще подрагивали, но лицо уже стало прежним, каменным.

Он отвез жену до торгового центра. Всю дорогу поливал трехэтажным матом «этого жирдяя». Жена молчала, глядя в окно.

День пошел вязкони туда ни сюда. В отделе он просидел до обеда, уткнувшись в бумаги, но толку ноль. Мысли возвращались к утру, крутились, цеплялись за детали. Четыре выстрела. И мерзкий визг жиртреса.

После обеда он сорвался. Просто встал и уехал. Сауна, постоянная проститутка Элеонора, бутылка за бутылкой. Постепенно пьянея, он забылся. Вечер размазался, стал мут-

НЫМ.

Домой вернулся ближе к полуночи. Квартира встретила тишиной и холодным светом луны. Рухнул на диван, долго лежал, глядя в потолок.

А утром — снова работа.

И вот он опять сидит в кабинете, с тем же сушняком, с тем же гулом в голове, и прокручивает все по кругу.

Бык скрутил крышку с бутылки минералки и высушил пол-литра одним заходом. Холод прошел по горлу, но легче не стало. Только яснее.

Он уставился в стол. Пальцы сами отбивали короткий, злой ритм. И где-то между ударами всплыла мысль, неприятная, как заноза: «А я ведь никто».

Должность — вывеска. Сегодня есть, завтра сняли. Система не держит людей, она держит места.

Ему хотелось другого. Не кабинета и не машины. Другого воздуха. Жить, не оглядываясь, кто чей брат, кому звонить, если запахло жареным. Уехать. С концами.

Память подкинула лето. Лайнер, белый, как таблетка от всех проблем. Италия, Испания, Португалия — города, где

люди разговаривают, а не дают. Улицы, по которым он шел с женой. И на секунду показалось, что жизнь может быть не про выживание, а про обычную нормальность.

Он тогда подумал: вот туда бы. Чтобы дети выросли там, где фамилия — это просто фамилия, а не пропуск или приговор.

И в ту же секунду поднималась другая волна. Он ненавидел тех, кто наверху. Богатых, с властью. Боялся и ненавидел. Потому что видел, как это работает изнутри: сегодня ты полезен — прикрывают, завтра стал неудобен — стирают.

Парадокс резал по живому: он сам был частью этой машины. В форме, с кабинетом. Но настоящую силу мог применить только вниз. Туда, где никто не ответит. Туда, где можно давить, срывать злость, выпускать пар.

И каждый раз, когда злость уходила, оставалось поганое ощущение: его самого где-то глубоко внутри давно прижали к стене и сказали: «Стоять».

Он провел ладонью по лицу, будто стирал пыль. В кабинете было тихо. Компьютер жужжал, как равнодушный свидетель. Бык выпрямился, взял ручку, открыл папку. Рабочий день никто не отменял.

В дверь постучали для приличия и, не дожидаясь ответа,

открыли. Вошел Шотен. Худой, вытянутый, как телеграфный провод. Лицо ухоженное, почти глянцевое, и привычная улыбка — слишком мягкая, слишком удобная. Легкий перегар шел за ним шлейфом.

— Здравсьте, Маке... — тихо, с наклоном головы.

Он прошел к столу, сел аккуратно, вытащил планшет и начал листать, не поднимая глаз.

Бык посмотрел на него коротко, тяжело. Ничего не сказал. Только кивнул еле заметно.

Шотен прочистил горло и заговорил увереннее, но с той же осторожной интонацией:

— По группе абайских... отработали. Схема сработала. Наши вышли на контакт, спровоцировали. Девку ихнюю жестко потрепали, испортили товарный вид. Та пожаловалась сутенеру-водителю. Тот приехал. Погремушка — Лизун.

Он на секунду поднял глаза, проверяя реакцию. Бык сидел и дышал ртом, его мутило.

— Оказался с характером. Бывший боксер. Заварилась

драка, Лизун их хорошенько выстегнул наши получили плотно... но мы все записали. Видео есть, звук есть. Оформляем заявления, запускаем процесс. Медосвидетельствование прошли, зафиксировали побои. Средние телесные: у Косого сломан нос, у Слона вывих руки.

— Вытащим из него все, что надо. Главное — правильно оформить. Через час можно будет зайти, — добавил он чуть тише. — Поработаем с ним... оформим признание.

В кабинете повисла пауза. Бык медленно провел пальцами по столу, будто проверял поверхность на трещины. Внутри снова зашевелилось то самое вязкое чувство. С одной стороны — все четко. Схема. Результат. С другой — запашок стоял гнилой.

Он поднял глаза на Шотена. Тот сразу выпрямился, улыбка стала еще шире и слаще, он попятился задом и скрылся за дверью.

Бык развалился в кресле и незаметно для себя задремал. Резко проснувшись через два часа, он вспомнил: нужно проведать, что там творят эти бестолочи.

Глава 3. О.П.Г.

Бык вылетел в коридор, будто кто-то дернул за внутренний выключатель. Дверь за спиной еще не успела закрыться, а он уже был на полпути к допросным. Тяжелые шаги гулко отдавались по кафельной плитке.

В комнате допроса Лизун сидел согнутый, потрепанный, как после драки с жизнью, лишенной правил. Дознаватель матом давил на него, иногда для убедительности отвешивая смачные пощечины. Рука у Лизуна дрожала, ручка скребла по бумаге. Объяснительная шла рывками — строчка, пауза, снова строчка.

Глаза бегали, губы пересохли, лицо было сосредоточенным и испуганным одновременно.

За стеклом в соседней комнате потаскуха, заплаканная, размазывая сопли и тушь по лицу, давала показания. Голос рваный, местами срывающийся в истеричный плач. Дознаватель засыпал вопросами, не давая ей провалиться в тишину.

Дальше по коридору сидели Слон и Косой — тачкованные агенты отдела УБОП, работавшие под прикрытием. Писали

быстро, наклонившись над бумагами, будто пытались успеть раньше, чем все развалится. Им на карты скоро должна была упасть приличная сумма за внедрение и помощь в поимке ОПГ.

Бык прошелся между кабинетами, не задерживаясь.

— Работайте правильно, не напортачьте, — бросил он на ходу, не повышая голоса, но так, что ближайший дознаватель тут же поднял голову. — без самодеятельности. Все по факту, четко.

Коридор ожил. Оперативники уже были на ногах. Кто-то орал в рацию:

— Есть адрес! Повторяю, выезд! Две точки пошустрее!

Двери хлопали одна за другой. Куртки накидывались на ходу. Машины заводились с визгом.

— ул Говорова 13 а, опергруппа выдвигаемся! — раздавалось с лестницы.

Бык, довольный суетой, облизал губы и пошел к себе в кабинет просиживать штаны.

Внезапно Лизун поднял голову и заговорил быстрее, сбив-

ЧИВО:

— Там еще... еще двое водил... они в теме... и квартиры... квартиры на съеме, я скажу адреса!

Дознаватель почти вдавил ручку в бумагу:

— Давай, давай, раздупляйся, не тяни время!

В соседней комнате девка сорвалась на слезы, но продолжала говорить. Голос ломался, но поток уже было не остановить.

И тут же — звонки. Телефоны вибрировали, не умолкая. Кто-то уже на выезде докладывал по рации:

— Первый адрес взяли! Второй подъезд, заходим!

— Есть еще контакт, улица Ломоносова, тринадцать, квартира пятнадцать! Локация, подтверждаем!

Операция разгонялась, как поезд, лишенный тормозов.

Лизун начал сдавать все подряд. Мессенджеры, номера, клички клиентов, имена водителей, адреса точек. Слова летели быстрее, чем их успевали записывать. В какой-то мо-

мент все превратилось в конвейер: один говорит, другой пишет, третий уже едет, четвертый заходит в квартиру. Бык снова вышел из кабинета и двинулся по коридору обратно, коротко бросая:

— Пошустрее, хватит спать!

Треугольная фигура в приталенном темном костюме проплывала по коридору, как айсберг. Бык вынул электронную сигарету, закурил, прикрыл глаза. Настроение поднялось.

Через пару дней Бык вывел Лизуна из здания департамента так, будто это был обычный служебный выезд. Но воздух снаружи оказался другим — плотнее, свободнее, с запахом разогретого асфальта и дороги. Лизун шел рядом, напряженный, плечи зажаты, взгляд бегал по сторонам. Он уже не понимал до конца, что происходит — все еще внутри системы или уже где-то между.

Метрах в тридцати держалась подстраховка: две машины, неприметные, но с четким контролем. Люди внутри не расслаблялись ни на секунду.

Дорога за город тянулась ровно, серое полотно с темными полосами от колес. Машина Быка шла первой, быстро обганяя медленный поток. Лизун молчал. Иногда сглатывал. Иногда косился на зеркало заднего вида.

Летнее кафе открытая веранда, тень от навеса, редкие посетители, запах жареного шашлыка и дыма. Бык припарковался, вышел первым. Осмотрелся. Коротко кивнул своим — контроль есть.

— Двигай булками, — бросил он Лизуну.

Сели за стол. Деревянный, слегка липкий от жары и времени. Официант принес воду, потом еду — обходясь лишними вопросами, будто такие компании тут были не редкость.

Бык молча положил перед Лизуном его телефон. Тот уставился на него, как на гранату без чеки.

— Забирай, — спокойно сказал Бык.

Лизун взял осторожно, пальцы дрожали.

Бык наклонился чуть вперед, голос стал тише, но тяжелее.

— Смотри, Лизун. Вариантов у тебя не так много. Ты сейчас в истории, где тебе светит не прогулка и не условка. Тут тяжкие статьи: организованная группа, тяжкие телесные, покушение, вовлечение... Ты сам это понимаешь?

Он не повышал голоса. Просто раскладывал факты.

Лизун молчал. Глаза бегали по столу.

Бык выпрямился, дал паузе повиснуть.

— Но можно по-другому. Ты работаешь с нами. Даешь все, что есть. И тогда у тебя хотя бы появляется шанс избежать гниения в общем режиме.

Подъехала еда. Шашлык, хлеб, чай. Контраст был резкий, почти издевательский.

Бык взял вилку, начал есть спокойно, будто разговор уже решен.

— Ешь, — сказал он Лизуну. — Ты сейчас не герой. Тебе силы нужны.

Лизун сначала не трогал еду. Потом медленно взял кусок. Жевал осторожно, проверяя, не обман ли это. Бык достал бутылку ликера, поставил на стол, налил немного в стакан.

— Расслабься, — коротко сказал он.

Лизун выпил. Сначала осторожно. Потом чуть свободнее.

Шум кафе растворился, остался только их стол, жара и разговор.

Бык медленно кивнул, подводя итог:

— Значит так. Сейчас закрепляем правила. Реалистично, обойдемся без «я потом решу».

Лизун быстро закивал:

— Да, да, я слушаю...

Бык чуть наклонился вперед, голос стал ровнее, деловой, лишенный крика, но с той самой тяжестью, от которой не отмахнешься.

— Ты работаешь с нами не на словах, а на деле. Информацию даешь всю — по людям, по схемам, по движению. Все, что у тебя в голове и телефоне. И второе. Ты начинаешь играть роль внутри их среды. Провокатор. Через тебя мы будем вытаскивать другие группы, связи, компроматы на высокопоставленных чинуш и ментов. Не думай, что ты первый. У нас есть и другие, кто работает на нас. Попробуешь сливать недостоверное — последует наказание.

Лизун напрягся, но молчал.

Бык продолжил, словно обсуждал техническую деталь:

— По деньгам. С каждой девки, которую ты ведешь, станешь отчислять мне лично по сто баксов в неделю.

Лизун резко поднял глаза:

— Вам... лично?

Бык даже не моргнул:

— Лично. Чтобы ты понимал — это не игра в сотрудничество. Это твоя ответственность.

Он взял стакан, покрутил его в руке.

— Плюс тысяча в месяц за общее прикрытие. За то, что ты вообще в этой истории остаешься живым, а не уходишь в режим «сам за себя». Попробуешь соскочить — я тебя в международный розыск подам.

Лизун выдохнул резко, нервно:

— Я... понял...

Бык поднял на него взгляд — спокойный, тяжелый.

— Не «понял». Принял.

Лизун кивнул уже тише:

— Принял. Просрочишь — получишь штраф на первый раз. Попробуешь меня сдать в УСБ — тогда тебе хана, кончу, как собаку. Имей в виду, у меня много друзей. Не прокатит.

Бык чуть откинулся назад, разговор стал еще суше.

— И запомни. Ты теперь не просто участник. Ты — точка входа. Через тебя будут идти люди. Через тебя будут открываться схемы. Если начнешь играть в умного, пропадать или путаться — сам себя обнулишь.

Лизун сглотнул:

— Я буду работать. Я все буду делать, как вы скажете..

Бык кивнул коротко.

— Вот и хорошо.

Он отодвинул тарелку в сторону. Голос стал ровнее, но с тяжестью, от которой у Лизуна снова напряглись плечи.

— Теперь слушай внимательно, потом не говори что непонял.

Лизун замер, вилку оставил в воздухе, потом медленно положил обратно.

Бык продолжил:

— По твоей ситуации дальше так. Отмазать это в лоб уже не получится красиво. Слишком много шума поднялось. Значит, работаем по снижению.

Он постучал пальцем по столу, ровно, как метроном.

— Девушка, которая писала заявление, его забирает. По понятной мотивации. Спокойно, без истерик. Просто передумала. Сошлись на недопонимании.

Лизун нервно кивнул:

— Да... да, я понял...

— Слон и Косой, эти терпилы, — Бык чуть прищурился,

— тоже переписывают свои обращения. Уходим в формат мелкого хулиганства.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Итог простой. Ты получаешь тридцать суток. Административка. Закрываешься, сидишь спокойно, без дерганий.

Лизун резко поднял взгляд:

— Тридцать...?

Бык спокойно кивнул:

— Тридцать. Это наказанием не считается. Это пауза. Чтобы у когонибудь в системе не появилось желания бежать в УСБ и раздувать костер.

Он чуть наклонился вперед.

— Месяц тебе бонусом. Считай, отсрочка. За это время приводишь все свое хозяйство в порядок. Контакты, точки, людей, связи — структурируешь.

Лизун выдохнул, но все еще был напряжен.

— А дальше... я что?

Бык ответил ровно:

— Дальше ты работаешь.

Пауза. Он добавил:

— И еще. Бумаг подписывать не будем. Официальные договоры и формы исключены.

Лизун нахмурился:

— А как тогда...?

— Через людей, — перебил Бык. — Мои будут выходить к тебе лично. Телефоны и переписки запрещены. Усвой это правило.

Он посмотрел прямо.

— Нарушил, проигнорировал — сам себя подставил.

Лизун медленно кивнул:

— Понял...

Бык откинулся назад, голос стал еще холоднее.

— И главное, смотри у меня — горя хапнешь. Никакой крови. Ты мне нужен как источник, а не как проблема, которую потом тушить.

Лизун тихо сказал:

— Я понял... пробег тихим будет...

Бык кивнул, будто закрыл пункт.

— Если сработаемся — ты меня не увидишь. Никогда. Это тоже правило. И это, поверь, лучший вариант для тебя. Все, халас на этом.

Бык собрался и ушел, оставив Лизуна доедать шашлык в одиночестве.

Бык сидел за рулем, не заводя двигатель, и смотрел куда-то сквозь лобовое стекло, будто там, за дорогой, был ответ на все это месиво. Внутри у него уже сложилась холодная, рабочая схема.

Любой на его месте сделал бы то же самое. Вопрос стоит иначе: насколько долго ты сможешь держать эту тему под

контролем, прежде чем она сожрет тебя самого.

Он не считал себя умным. Но он был прагматиком. А прагматика не интересует мораль в чистом виде — его интересует результат и дистанция.

Этих он полюбовому закроет. Без вариантов. Но не сейчас. Сначала — выжать. Информацию, связи, деньги, выходы на другие группы. Пока система крутится и приносит пользу, ее не ломают. Ее используют.

Это уже вторая группа, которую он так тихо подвязал. Без шума, без отчетов наверх. Своя теневая карта города, где ниточки сходятся в одном месте. Он понимал риск. Очень четко.

До него такие же «умные» уже сидят. Кто за коррупцию, кто за превышение. Кресло, в котором он сейчас сидел, было как прокатное — сегодня ты, завтра другой, а послезавтра оба в деле.

Он провел рукой по лицу, тяжело выдохнул.

— Играем, значит, — тихо сказал сам себе.

Достал телефон. На секунду завис, глядя на контакт. Скривился.

«Бздун».

Даже имя вызывало отвращение.

Он нажал вызов. Гудки. В голове сразу всплыли картинки. Этот тип, его «работа», его методы. Не просто давление — он любил унижать. Саддист и психопат. Лез глубже, чем нужно, получал от этого удовольствие. Не оперативник, а грязный инструмент.

Бык таких презирал. Но иногда пользовался. Потому что результат.

Гудок оборвался.

— Да, — раздался голос на том конце, ленивый, с неприятной ухмылкой, которую даже через телефон было слышно.

Бык сразу, опуская вступления:

— Есть работа.

Пауза.

— Слушаю, — оживился Бздун.

Бык сжал телефон сильнее, чем нужно.

— Аккуратно работаешь. Не светишься, понял?

Короткая тишина. Потом легкий смешок:

— Ты мне еще расскажи, как работать...

Бык перебил резко, холодно:

— Я не рассказываю. Я предупреждаю.

Пауза стала тяжелее.

— Грязь и твои заскоки под запретом. Мне нужен результат, а не проблемы.

Бздун замолчал на секунду. Потом уже суше:

— Понял. Что за тема?

— Разрабатываешь абайских. Неполная слежка, финансы выделю. Все по закону. Как только проколются — сразу ко мне на стол.

Бык коротко объяснил, избегая лишних деталей. Про Лизуна, про группу, про дальнейшую работу. На том конце слу-

шали внимательно.

— Так точно, принял — наконец сказал Бздун. — Сделаем.

Бык не ответил сразу. Просто держал телефон у уха, будто проверял, не появится ли еще что-то лишнее.

— Смотри у меня, не напортачь. Следи так, чтобы они тебя не просекли, — тихо добавил он. — Один косяк — и ты первый пойдешь под раздачу.

— Да понял я, — раздраженно бросил тот.

Бык сбросил вызов. Секунду просто сидел, глядя на экран. Потом убрал телефон.

Кличку «Бздун» он получил глупо, почти анекдотично, но приклеилась она намертво. Тогда они зависали в сауне — пар, бутылки, смех, девки, обычный «отдых» после работы. И в какой-то момент этот персонаж, не стесняясь никого и ничего, выдал такую газовую атаку, что парилка мгновенно превратилась в химическую зону. Народ начал материться, ржать, кто-то выскочил наружу, кто-то задыхался сквозь полотенце.

Кто-то тогда и ляпнул:

— Ну ты и бздун, блин...

Сказано было в шутку. Но такие вещи, если прилипают, то навсегда. С тех пор за глаза его так и звали. Но в лицо — только один человек. Бык. Остальные даже не пробовали. Слишком рискованно. У Бздуна был характер, как оголенный провод — искрит, не предупреждая. Мог сцепиться с кем угодно, не глядя ни на звание, ни на расклад. Влетал в конфликты резко, без тормозов, и так же резко выходил, оставляя после себя напряжение и испорченное настроение. Безбашенный. Но результативный.

Такие в системе всегда на грани: с одной стороны — опасные, неудобные, токсичные. С другой — закрывают вопросы, за которые другие даже братья не хотят. Бык это понимал. И именно поэтому держал его рядом, но на коротком поводке. Сам называл его «Бздун» спокойно, почти буднично, будто это не оскорбление, а рабочий термин. И странное дело — тот это терпел. Может, потому что чувствовал разницу в весе. Может, потому что понимал: Бык не шутит, он фиксирует.

Их отношения были как старая трещина в бетоне — вроде держится, но все знают: если дать лишнюю нагрузку, рванет так, что мало не покажется.

Бык тронулся и снова ушел в круги по городу, будто прокладывал невидимые маршруты не по улицам, а в собственной голове. Машина шла ровно, спокойно — китайский кроссовер, ничем не выделяющийся, даже скучный. В кредит. Идеально.

Он не играл в богатого. Вообще. Считал это слабостью. Те, кто начинает светиться, сами себе роют яму и потом удивляются, откуда сверху земля сыпется. У него все было тихо. Три костюма. Средние, но сидят как влитые. Крикливые бренды отсутствовали, лишний блеск тоже. Сегодня серый, завтра темно-синий, послезавтра черный. Ротация, как у бойца на смене.

Айфон — да. Последний. Но это инструмент. Макбук в рюкзаке — тоже инструмент. Рабочая станция, не игрушка. Дом? Коттедж есть. Но оформлен не на него. На братишку жены — обычного водилу в конторе, где даже бухгалтер пугается в бумагах. Внутри — пусто, пафос отсутствует. Мебель простая, техника базовая. Никаких золотых унитазов. Если зайти — не скажешь, что тут живет начальник отдела. И это ему нравилось.

Настоящее у него было не там. Настоящее было в цифрах. Крипта. Аккаунты на иностранных биржах. Деньги, которые не лежат в банке под чужим взглядом, а двигаются, растут, прячутся. Он заходил туда ночью, иногда просто смотрел на графики, как на пульс своей второй жизни. Там он был не

«Бык». Там он был никто. И это было безопасно.

В одном из арендованных складов стоял мотоцикл. Старый, но обслуженный. Не для понтов. Для выхода. Рядом — тревожный рюкзак. Небольшой. Наличные, документы, телефон, техника. Минимум, чтобы исчезнуть быстро и без лишних сборов. Он иногда думал об этом как о запасном выходе в горящем здании. Пользоваться не хочется, но знать, что он есть, необходимо.

Руль под руками был теплый. Город жил своей жизнью. А у него внутри шла другая. Он считал: сколько можно вытащить с этих групп, сколько еще можно держать их в тени, когда пора будет закрывать, когда выходить. И главное — когда валить.

Мысль об этом уже перестала быть фантазией. Она стала планом. Пока не оформленным до конца, но живым. Европа. Спокойствие. Другая жизнь. Без звонков. Без «реши вопрос». Без этих взглядов, где каждый второй либо боится, либо ненавидит.

Он усмехнулся сам себе.

— Сначала доиграть, — тихо сказал он. — Потому что выйти из игры просто так нельзя. Сначала нужно правильно закончить партию. И не остаться фигурой на доске.

Глава 4. Комсомольск

Комсомольск не просто стоял у Каспия — он давил на него всей массой, будто берегу было мало места и город решил отвоевать еще немного воды. Сверху все выглядело аккуратно: прямые проспекты, кварталы по линейке, заводские корпуса, блестящие стеклянные офисы иностранных компаний. Ровно. Под контролем.

Внизу картина была иной. Утром город просыпался тяжело. Рабочие автобусы глотали людей пачками, вахтовики с рюкзаками и усталыми лицами тянулись к проходным, где турникеты щелкали непрерывно. Ветер с моря нес запах соли а с суши вонь газа с нефтью — в этом воздухе плавали деньги и роскошь.

Днем Комсомольск становился деловым. Каски, спецовки, переговоры, контракты, стройки, краны, бетон. Все крутилось. Зарплаты здесь позволяли жить жирно: машины во дворах не хлам, телефоны свежие, в квартирах техника, которую в других городах только на витринах и видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.